

[8, 45]. В годы «холодной войны» именно на начало 1960-х гг. приходится пик миротворческой активности Организации.

Список источников и литературы

1. Документ ООН. A/3267 (1956).
2. Документ ООН. S/RES/ 118 (1956).
3. Документ ООН A/RES/1125 (XI) (1957).
4. Pearson L. M. The Memoirs of the Right Honorable Lester B. Pearson. Vol. 2. Toronto, 1975.
5. Ramsbotham O., Woodhouse T. Encyclopedia of International Peacekeeping. Santa Barbara, Denver, Oxford. 1999.
6. UN Oral History Interview with Sir B. Urquhart on July 20, 1984 // Interviewer L. Gordenker.
7. Urquhart B. Hammar skjold. N. Y., L., 1994.
8. Wiseman H. United Nations Peacekeeping: A Historical Overview // Peacekeeping: Appraisals and Proposals. N. Y., 1983.

А. А. Костин,
зав. кафедрой, ВятГУ, г. Киров

Американская позиция по триестскому вопросу как фактор возникновения советско-югославского конфликта 1948 г.

В конце Второй мировой войны одной из проблем мирного урегулирования явился вопрос о государственной принадлежности территории Истрийского полуострова и порта Триест. Завершая освобождение Италии, англо-американские части к 3 мая установили контроль над дорогами между Триестом и Австрией. В Триесте союзные войска обнаружили части 4-й югославской армии, уже овладевшей большей частью полуострова Истрия. Возникла опасность вооружённого столкновения между союзниками по антигитлеровской коалиции [10, 1130–1131]. Ситуация осложнялась отсутствием каких-либо соглашений о разграничении зон союзной оккупации

Истрии. Западные союзники понимали, что в случае возникновения вооружённого конфликта с югославами, военную помощь последним могут оказать советские войска. 11 апреля 1945 г. новое югославское правительство коммуниста И. Броза Тито заключило с Москвой договор «О дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» [7, 10–12]. Триестский вопрос вышел за рамки пограничного итало-югославского спора, став частью набиравшего обороты советско-американского соперничества, переросшего затем в блоковую конфронтацию [12; 13].

21 мая 1945 г. президент США Г. Трумэн обратился к И. В. Сталину с просьбой помочь мирному урегулированию ситуации [6, 394–395]. Советский лидер оказался перед выбором: оказать военную помощь югославскому маршалу или уступить западным союзникам. В первом случае последствия были неожиданными и ужасающими: Англия и США могли пойти на перевооружение германской армии. Союзные гарантии реализации советских интересов в других регионах ставились под сомнение. Возможные действия Трумэна, плохо знакомого Москве в качестве международного политика, за исключением его высказывания 24 июня 1941 г., были трудно предсказуемы. По-видимому, Сталин решил не рисковать и, проявив максимум политической гибкости, ограничил поддержку югославам дипломатическими мерами.

Не получив ожидаемой помощи со стороны СССР, 26 мая 1945 г. Тито произнёс в Любляне речь. Югославский лидер оперировал двусмысленными фразами, критиковал действия союзников по антигитлеровской коалиции, не давая уточнения, кому были направлены эти жёсткие характеристики: либо Англии и США, либо всей коалиции в целом, включая СССР. Высказывания — «мы не хотим платить по чужим счетам, не хотим быть разменной монетой, не хотим, чтобы нас вменяли в политику сфер интересов» — вызвали недовольство Сталина. Последовавшие за этим объяснения югославских политиков в Москве не смогли разубедить советского лидера во мнении, что Тито не проявляет к нему должной лояльности [4, 21].

В условиях жесткой западной позиции и отсутствия поддержки со стороны Кремля Тито был вынужден отступить. 9 июня 1945 г. в Белграде между правительствами США, Великобритании и Югославии было подписано соглашение об учреждении на спорной территории

Союзной Военной Администрации (СВА), что фактически означало подчинение созданных в регионе югославских органов власти англо-американскому командованию [14, 155–156; 6, 426, 430–432, 539]. 20 июля начальник штаба союзных войск в Италии генерал Уильям Морган и начальник Верховного штаба НОАЮ генерал Арсо Йованович заключили соглашение, по которому была определена линия демаркации между англо-американской и югославской зонами оккупации. «Линия Моргана» носила временный характер, государственное разграничение должно было произойти в ходе подписания мирного договора с Италией.

Советская позиция, продемонстрированная в разгар триестского кризиса мая-июня 1945 г., не означала отказа Москвы от защиты югославских интересов. Для этого Кремль использовал дипломатическую плоскость. В соответствии с решением Потсдамской конференции подготовка текста договора с Италией была возложена на Совет министров иностранных дел. На сессиях СМВД советская сторона добивалась передачи западной части полуострова Истрия, включая город Триест, Югославии. Дискуссия по этому вопросу постоянно заходила в тупик, препятствуя подготовке мирного договора с Италией. Чтобы уладить триестский спор, государственному секретарю Дж. Бирнсу, по словам его помощника Ч. Болен, пришлось использовать весь свой дипломатический талант [8, 255].

В ходе Нью-Йоркской сессии СМВД в ноябре 1946 г., когда стороны вновь не сумели достичь взаимоприемлемого решения, государственный секретарь неофициально посетил главу советской делегации В. М. Молотова в его номере в гостинице «Ритц». Бирнс заявил: «Анализируя ситуацию в целом, я считаю, что самое мудрое для всех — признать неудачу и распустить наше совещание». Он подчеркнул, что считает плохим для репутации стран-участниц и особенно для министров иностранных дел постоянно спорить и заводить в тупик то, что, в сущности, не является столь трудным вопросом. Затем глава Государственного департамента в доброжелательном тоне добавил, что испытывает симпатию к Молотову, так как никто не проявлял столько заботы о югославах, сколько он. По мнению Бирнса, югославы не выразили никакой благодарности советскому министру за все его усилия. По словам госсекретаря, этим Молотов смог бы оправдать свой отказ от попытки достигнуть соглашения по Триесту.

Госсекретарь надеялся на то, что Молотов не допустит ослабления своих личных позиций в Кремле, в первую очередь в глазах Сталина: в случае отсутствия договорённости с американцами министр превращался в «неудачника», неспособного реализовать волю вождя. К тому же затягивание решения проблемы Триеста настраивало мировое общественное мнение против Советского Союза как главного препятствия на пути «дела мира» [8, 255–256].

Уже на ближайшем заседании Молотов объявил о готовности согласиться на некоторые из западных предложений «с небольшими модификациями». Это, по мнению Бирнса, было сделано для сохранения лица: модификации являлись небольшими исправлениями языка текста, не изменявшими сути [9, 383]. Почти все спорные моменты были согласованы на разумной основе, договор с Италией был готов и определена дата его подписания.

Демарш госсекретаря достиг успеха. Причина заключалась в том, что государственный секретарь не блефовал. Если бы триестский вопрос был оставлен без решения, югославы могли потерять последний шанс на признание их власти в Истрии [8, 256]. Расчёт главы госдепартамента был сделан на то, чтобы поставить советскую и югославскую делегации в положение виновников срыва работы СМВД. Бирнс понимал, что Молотов не заинтересован в откладывании решения вопроса и, натолкнувшись на американскую неуступчивость, он будет вынужден снять свои требования [9, 383].

Ход беседы глав внешнеполитических ведомств в номере отеля «Ритц» отчётливо демонстрирует стремление госсекретаря вынудить советского министра поступиться интересами «неблагодарных» югославы. Приватная беседа Бирнса с Молотовым не преследовала цель посеять семена раздора в отношениях Белграда и Кремля, в тесном сотрудничестве которых в ноябре 1946 г. американская сторона не сомневалась. Бирнс стремился всего лишь добиться от Молотова уступок, которые тем не менее вряд ли были бы приняты югославской стороной.

Недовольство югославы советскими уступками на сессиях СМВД вылилось в марте 1948 г. в попытку Белграда достичь компромисса с Западом по проблеме Триеста в обход Москвы. Тито попытался провести ревизию мирного договора с Италией, «не консультируясь с правительством Советского Союза», что вызвало негативную

реакцию советской стороны. Вечером 21 марта 1948 г. помощник министра иностранных дел ФНРЮ А. Беблер проинформировал временного поверенного в делах СССР в Югославии Д. М. Армянинова о решении югославского правительства заявить правительствам США, Великобритании и Франции о своей готовности разрешить вопрос о Триесте на базе известных переговоров Тито — Тольятти и заключить с итальянским правительством договор о дружбе и ненападении. При этом Беблер не попросил Армянинова запросить мнение правительства СССР. Тон заявления, сделанного помощником министра иностранных дел ФНРЮ, отличался от привычных югославских обращений за советом и помощью к Москве.

22 марта советский посол в Белграде А. И. Лаврентьев в разговоре с министром иностранных дел ФНРЮ С. Симичем высказал пожелание, что Белграду следовало бы проконсультироваться по этому вопросу с Москвой. Однако уже в полдень того же дня югославское правительство официальной нотой «дало западным державам такой ответ, какой оно считало нужным и полезным для демократических сил в Италии» [2, 15–17; 3, 31–33]. Этим югославы демонстрировали своё намерение проводить независимую от Кремля политику и стать самостоятельным субъектом международных отношений в балкано-средиземноморском бассейне. В ответ правительство СССР заявило, что «не считает себя связанным Соглашением о взаимной консультации по важным международным вопросам вследствие нарушения Югославским правительством этого Соглашения» [2, 15; 3, 31]. Последовал отзыв всех советских военных представителей из Югославии. Советское правительство не направило Тито поздравление с днём его рождения (25 мая) и заявило о необходимости переноса из Белграда Дунайской конференции [11, 1073; 1, 66; 5, 83]. 23 июня Коминформ принял печально известную резолюцию «О положении в коммунистической партии Югославии» [7, 318–324].

Твёрдость американской позиции на заседаниях СМВД и безрезультатность советских усилий добиться передачи Триеста Югославии способствовали формированию у Белграда чувства разочарования в возможностях либо желании Москвы отстоять интересы югославских народов. Вкупе с другими факторами нерешённость триестского вопроса стала одной из причин конфликта между ВКП(б) и КПЮ.

Список источников и литературы

1. Аникеев А. С. Югославия в европейской политике Великих держав в годы «холодной войны» (конец 40-х — начало 50-х) // Славяноведение. 1992. № 5.
2. АВП РФ. Ф. 144. Оп. 8 П. 15. Д. 6.
3. АВП РФ. Ф. 202. Оп. 5. П. 110. Д. 1.
4. Гибианский Л. Я. Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // Славяноведение. 2001. № 4.
5. Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе. 1945–1950 гг. Киев, 1991.
6. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. II. М., 1984.
7. Советско-югославские отношения. 1945–1956: Документы и материалы. Новосибирск, 2010.
8. Bohlen Ch. Witness to History, 1929–1969. N. Y., 1973.
9. Byrnes J. All in One Lifetime. N. Y., 1958.
10. FRUS. Diplomatic Papers. 1945. Vol. IV: Europe. Washington, 1968.
11. FRUS. Diplomatic Papers. 1948. Vol. IV: Eastern Europe. The Soviet Union. Washington, 1974.
12. Novak B. Trieste, 1941–1954: The Ethnic, Political, and Ideological Struggle. Chicago, 1970.
13. Rabel R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954. Durham, 1988.
14. United States and Italy, 1936–1946. Documentary Record. Washington, 1946.

И. А. Мамадалиев,

доцент Худжандского гос. университета,
Республика Таджикистан

Памир: между империями в контексте «Большой игры»

К середине XIX в. в политической жизни Памира и Бадахшана заметных изменений не происходило. Но события, разворачивающиеся за пределами региона и непосредственно затрагивающие его, предвещали начало серьезных перемен в крае. Среди этих событий